

Я—странный натура—никогда не смѣю высказать о человѣкѣ, что думаю, и часто наталкиваюсь на любовь и дружбу къ нему, чтобы примирить свое чувство къ нему съ понятіемъ о немъ. Твое сужденіе о Катковѣ ужасно. Я то же чувствовалъ, но не смѣлъ сказать себѣ самому. Изъ этого человѣка (я увѣренъ въ этомъ) еще выйдетъ человѣкъ. Приѣхавши въ Петербургъ, онъ началъ съ высоты величія подсмѣиваться надъ моими жалобами о ничтожествѣ человѣческой личности, столь похожей въ общемъ на мыльный пузырь, и говорить, что въ наше время объ этомъ думать только дрянныя и гнилыя натуршкі, а черезъ нѣсколько недѣль затушилъ ту же пѣсню, только еще заунывнѣй и отчаяннѣй. Потомъ толковалъ мнѣ, съ видомъ покровительства, о необходимости провести по своей непосредственности рѣзкомъ художника, чтобы придать себѣ виртуозности. У меня странная привычка—принимать въ другихъ самохвальство за доказательство достоинства—я и повѣрилъ, что онъ—статуя, виртуознѣе самаго Аполлона Бельведерскаго, да и давай плевать на себя и смиряться передъ нимъ. Вообще онъ велъ себя со всѣми нами, какъ гениальный юноша съ людьми добродушными, но недалекими, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько грубостей и дерзостей, которыя могъ снести только я, но которыя нельзя забыть, и о которыхъ расскажу тебѣ при свиданіи. Панаеву съ Языковымъ тоже досталось порядочно за то, что они не знали, какъ лучше выразить ему свое уваженіе и любовь. Не скажу, чтобы у меня съ нимъ не было и пріятныхъ минутъ, ибо это—натура сильная и голова крѣпко работающая. Онъ многое разбудилъ во мнѣ, и изъ этого многого большая часть воскресла и самодѣтельно переработалась во мнѣ уже послѣ его отъѣзда. Ясно, что немного прошло у него черезъ сердце, но живетъ только въ головѣ, и потому пристаётъ отъ него и понимается съ трудомъ. Когда онъ съ торжествомъ созвалъ насъ у Краевского и прочелъ половину статьи о Саррѣ Толстой, я былъ огуленъ, но нисколько не наполненъ, но сказалъ Комарову и прочимъ, что такой статьи не бывало на свѣтѣ. Статья вышла. Питеръ принялъ ее съ остервеніемъ, что еще больше придало ей цѣны въ моихъ глазахъ. Панаевъ и Комаровъ просто сказали мнѣ, что имъ статья не нравится, а послѣдній—что онъ въ ней, за исключеніемъ двухъ, трехъ дѣйствительно прекрасныхъ мѣстъ, ничего не понимаетъ. Я чуть не побранился съ нимъ за это, хотя онъ и говорилъ мнѣ, что въ моихъ статьяхъ все понимаетъ. Уже спустя довольно времени я самъ поусомнился, замѣтивъ, что ничего не помню изъ дивной статьи. Перечитывалъ—читаю прекрасно, положу книгу—не помню ничего. Твое письмо довершило. Ты здѣсь—не то, что я, ты—человѣкъ посторонній. Не забудь, что мы съ Катковымъ—соперники по ремеслу, а я по своей натурѣ способенъ видѣть всегда въ соперникахъ Богъ знаетъ что, а въ себя—ничего. Когда онъ изъявилъ желаніе писать о Саррѣ Толстой, я не смѣлъ и думать взяться за это дѣло. Теперь каюсь, ибо вижу, что это чудное явленіе погибло для публики. Хочу написать для „Современника“, да книги нѣтъ. Нащокинъ, говорятъ, передалъ для меня экземпляръ К. Аксакову, а тотъ Богъ знаетъ что сдѣлалъ съ нимъ. Не можешь ли ты хлопотать объ этомъ дѣлѣ?

„Въ немъ бездна самолюбія и эгоизма—и мы много развили въ немъ и то, и другое. Сперва держали его въ черномъ тѣлѣ, а съ

исторіи со Щ. 1) начали носить его въ хлопчаткахъ—вотъ онъ и зазнался.

„Вспоминая объ извѣстной тебѣ моей исторіи съ нимъ, ясно сознаю, что я тогда же видѣлъ то, чего никто не видѣлъ и ты особенно, и что съ другимъ кѣмъ у меня была бы невозможна подобная исторія, что онъ слишкомъ безчестно наслаждался плодами своей побѣды надъ мною, и что его ненависть послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу, выходила изъ самаго черстваго эгоизма, и что не онъ, а я жестоко оскорбленъ былъ. Да, Боткинъ, признаюсь въ слабости, а и теперь иногда тяжело вспомнить объ этой исторіи. Вотъ этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а присталъ къ нему. И онъ не могъ войти въ него: онъ для этого слишкомъ молодъ, и онъ еще только теперь страдаетъ тѣми болѣзнями, которыя мы или давно перестрадали, или къ которымъ притерпѣлись, такъ что не чувствуешь ихъ, какъ лошадь хому та и упряжи. Это важное обстоятельство—одновременность развитія! Да, много, много ятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Всея образуетъ ее: есть натура, трудно и туго развивающаяся—къ такимъ принадлежитъ и натура нашего юноши. А между тѣмъ, это натура, полная силы, энергии, могучая, натура широкая, если пока еще не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни пѣгистомъ, ни резонеромъ, ни сентиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое.. чортъ знаетъ до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твоё выраженіе: „бравлады субъективности“. Это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставить его въ такіе положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется, пока еще есть время поворачивать себя въ ту или другую сторону...

„Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что пребываніе въ Питерѣ К-ва дало сильный толчокъ движенію моего сознанія. Личности его проскользнула по мнѣ, не оставивъ слѣда; но его взгляды на многое,—право, мнѣ кажется, что они мнѣ больше дали, чѣмъ ему самому“.

(Дальше заходитъ рѣчь о бракѣ. Вѣлискій говоритъ съ сочувствіемъ о Ж. Зандѣ и замѣчаетъ):

„Вообще, всѣ общественныя основанія нашего времени требуютъ строжайшаго пересмотра и коренной перестройки, что и будетъ рано или поздно. Пора освободиться личности человѣческой, и безъ того несчастной, отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности—мнѣнія черни и преданія варварскихъ вѣковъ. Ахъ, Боткинъ, чувствую, что при свиданіи мы подеремся: письма мои не могутъ дать тебѣ и слабая намекъ на то, какъ ужасно переѣмнися я“.

16 января 1841 г. „Ты поздравляешь меня, что я „вышелъ на широкое поле дѣйствительности, на животрепещущую почву исторической жизни“, и что „и груди и душѣ моей будетъ легче“. Отчасти это справедливо: искусство задушило, было, меня, но при этомъ направленіи я могъ жить въ себѣ и думать, что для человѣка только и возможно, что жизнь въ себѣ, а вышелъ изъ себя (гдѣ было тѣсненько, но зато и тепло), я вышелъ только въ новый міръ страданій, ибо для меня дѣйствительность и историческая жизнь не существуютъ, только въ прошедшемъ—я хочу ихъ видѣть. въ на-

1) Послужившей поводомъ къ первому столкновенію. Вѣлискаго съ Катковымъ въ Москвѣ.